

В. Г. СИРОТКИН

ИЗГНАНИЕ И СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА

15 октября 1815 г. на рейде бухты о-ва Святая Елена бросил якорь английский фрегат «Нортумберленд». Вскоре к берегу причалило несколько шлюпок, и из одной сошел человек, имя которого свыше 15 лет не сходило с политической авансцены Европы. Легитимисты-реакционеры, казалось, вздохнули с облегчением: на этот раз Наполеона отправили так далеко, что никаких надежд на повторение «полета орла» марта 1815 г., похоже, у экс-императора уже не имелось...

Дорога на Святую Елену началась для Наполеона задолго до Ватерлоо. Превращение справедливых войн Великой французской буржуазной революции в несправедливые, захватнические, когда, по выражению В. И. Ленина, «Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы»¹, вызвало освободительные войны в Европе против наполеоновского господства. В интересах династической борьбы Наполеон все более и более отрывался от своих прежних буржуазных корней, некогда непобедимые наполеоновские армии во главе с уже потерявшими боевой молодой задор и отягощенными титулами «нового дворянства» маршалами начали терпеть поражения. Но решающий удар по военно-политическим позициям империи Наполеона был нанесен русской армией и русским народом в 1812 г.² В 1813 г. массовый подъем национально-освободительного движения в германских государствах, Тироле, продолжение партизанской борьбы в Испании окончательно подорвали бывшее военное могущество Наполеона Бонапарта³. Впереди, правда, был еще 1814 год — год последней отчаянной борьбы обреченного императора за трон и власть, последний год «эпохи наполеоновских войн» (В. И. Ленин). События этого года казались, например русским современникам, апогеем освободительной миссии регулярных армий и ополчений противников Наполеона, но для потомков они предстали как иностранная интервенция на территорию суверенной страны, ибо, по оценке В. И. Ленина, реакционные правительства также вели с Наполеоном «отнюдь не освободительную, а империалистскую войну»⁴.

Военный аспект кампании 1814 г. и финал «второго возвышения» Наполеона в период «Ста дней» — Ватерлоо — все это давно и обстоятельно описано в зарубежной, в особенности французской, буржуазной историографии. При этом явно преуменьшается значение операций русской армии в 1814 г., хотя в свое время еще Ф. Эн-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 5.

² См. Е. В. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. Соч., т. VII. М., 1959; Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 г. М., 1962; П. А. Ж и л и н. Гибель наполеоновской армии в России, изд. 2-е. М., 1974, и др.

³ См., в частности: «Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии». Сб. документов под ред. и со вступ. статьей Л. Г. Бескровного. М., 1964; А. Л. Н а р о ч н и ц к и й. Народы и правительства в войне 1813 г. за освобождение Германии. — «Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства». М., 1965; М. А. Д о д о л е в. Россия и война испанского народа за независимость (1808—1814 гг.). — «Вопросы истории», 1972, № 11.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 382.

Последний взгляд на берег Франции (С картины У. Оргардсона. Из собрания иконографии о Наполеоне А. Г. Кавтарадзе)

гельс подчеркивал, что «русские войска составляли основное ядро, вокруг которого лишь позднее сгруппировались пруссаки, австрийцы и остальные. Они оставались основной массой вплоть до вступления в Париж»⁵.

В советской историографии последняя борьба Наполеона в 1814—1815 гг. освещалась в работах Е. В. Тарле и А. З. Манфреда. Е. В. Тарле принадлежит заслуга в использовании архивных документов при анализе действий русской дипломатии в 1814 г. во время первого отречения Наполеона⁶. Вместе с тем некоторые важные детали последней борьбы Наполеона, в частности ее идеологический и политический аспекты, отразившиеся в донесениях русских дипломатов, остались в тени. Не меняя общей, в целом хорошо известной картины первого и второго отречения Наполеона, эти донесения проливают дополнительный свет на его изгнание. Не отражая внутриполитического положения во Франции, ибо русско-французские отношения тогда были прерваны, русские дипломатические бумаги все же показывают методы борьбы Наполеона в 1814 и 1815 гг., в частности, его внешереволюционную фразеологию этого периода, о чем сам Наполеон еще в январе 1814 г. написал маршалу Ш. Ожеро: «Нужно надеть сапоги 1793 года»⁷. Однако на подкрепление броских фраз делами французский император не пошел, и в этом состоял главный военно-политический проигрыш Наполеона, предопределивший его ссылку на Святую Елену⁸.

Новые документы о деятельности русской дипломатии по политическому устранению Наполеона с французского престола в 1814 г. («отделение» Наполеона от Франции — «операция Сенат» в декабре 1813 г.— апреле 1814 г.) стали известны благодаря публикации VII тома документов (1813—1814 гг.) «Внешней политики России XIX — начала XX в.»⁹ Отталкиваясь от них, а также от материалов VIII тома данной пуб-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 502.

⁶ См. Е. В. Тарле. Наполеон (гл. XV. Война во Франции и первое отречение Наполеона; гл. XVI. «Сто дней»). Соч., т. VII; е го же. Талейран. Соч., т. XI. М., 1961, А. З. Манфред. Наполеон Бонапарт (гл. 16. «Сто дней»). М., 1971.

⁷ Цит. по: «История Франции», т. 2. М., 1973, стр. 164.

⁸ А. З. Манфред. Наполеон Бонапарт, изд. 2. М., 1973, стр. 745.

⁹ «Внешняя политика России XIX — начала XX в.», т. VII, серия I (1801—1815 гг.) Отв. ред. академик А. Л. Нарочницкий. М., 1970 (далее — ВПР). Док. № 180. Записка А. И. Чернышева (ноябрь 1813 г.); док. № 252. Рапорт генерал-губернатора Лотарингии Д. М. Алопеуса (6 апреля 1814 г.) и др.

ликации (1814—1815 гг.), мы обнаружили ряд новых документов в архивах и рукописных собраниях Москвы и Ленинграда. Среди них — неизвестное ранее письмо Александра I своей матери Марии Федоровне из Вены в Петербург о реакции царя на известие о бегстве Наполеона с Эльбы и начале его похода на Париж, хранящееся в Ленинграде в личном фонде вел. кн. Николая Михайловича¹⁰. Однако наиболее интересные документы были найдены в Архиве внешней политики России. В данном очерке использованы главным образом три тематические подборки документов упомянутого архива. Это прежде всего бумаги внешнеполитического контрпропагандистского ведомства министерства иностранных дел России (так называемого «ведомства П. Г. Дивова»), содержащем документы о деятельности офицоза ведомства газеты на французском языке «*Conservateur Impartial*» (1813—1824 гг.)¹¹. Затем — коллекция «Происки французских эмигрантов, 1815—1818 гг.», отражающая, в частности, ранее неизвестные данные о связях эмиграции «Ста дней» в Европе и Америке с Наполеоном на Святой Елене¹². Эти две основные коллекции документов дополняются донесениями русского комиссара на Святой Елене графа де Бальмена, известными историкам благодаря публикации издателя «Русского Архива» П. Баргенева¹³. Следует, впрочем, отметить, что Баргенов дал эти донесения по поздней копии сына де Бальмена. Проведенное же сравнение публикации в «Русском Архиве» с оригиналами в АВПР показало, что самое интересное — приложения к официальным реляциям русского пристава к статс-секретарю по иностранным делам К. В. Нессельроде и послу в Лондоне Х. А. Ливену — не были опубликованы¹⁴. А в приложениях оказались бюллетени о здоровье Наполеона лечивших его врачей, письма английского генерал-губернатора Святой Елены Гудсона Лоу о попытках эмиграции «Ста дней» установить контакт с Наполеоном, дополнительные сведения о его ответных демаршах — стремлении оказать давление на участников Аахенского конгресса (особенно на Александра I) и т. п.

Две последние коллекции вносят определенные коррективы в освещение политической деятельности Наполеона после его ссылки на Святую Елену, заставляя по-новому взглянуть на всю историю борьбы бонапартистов образца «Ста дней» с Бурбонами и Священным союзом. Наряду с новыми деталями последней политической борьбы Наполеона обнаруженные нами архивные документы вносят уточнения в некоторые бытовые аспекты жизни ссыльного императора на Святой Елене, в частности в известную широкому читателю версию о его якобы отравлении англичанами.

«САПОГИ 1793 ГОДА» И «ОПЕРАЦИЯ СЕНАТ» (1814 г.)

По мере приближения союзных войск к границам Франции перед участниками VI антинаполеоновской коалиции вставал основной вопрос: как с наименьшими потерями для союзных армий и без риска крупных социальных потрясений в стране устранить Наполеона. Во всех документах звучало одно главнейшее опасение: а не столкнутся ли интервенты на территории Франции с «французским 12-м годом»?

Живой пример партизанского движения в России (а еще ранее в Испании) и свежие впечатления от подъема национально-освободительного движения народов Германии и Австрии (Тироль) вынуждал царских дипломатов и военных делать такие аналогии. Для характеристики настроений в правящих кругах России интересны два малоизвестных документа: записка генерал-адъютанта графа А. И. Чернышева

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 549, д. 262, л. 1—8.

¹¹ Большая часть архива «ведомства П. Г. Дивова» отложилась в АВПР, но отдельные документы рассеялись и по другим архивам СССР.

¹² АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 12881—12914. «*Meneés des réfugiés français, 1815—1818*».

¹³ «Из бумаг графа де Бальмена, русского пристава при первом Наполеоне на о. Св. Елена». — «Русский Архив», 1868, 1869. В русской литературе эти донесения наиболее полно использовала сотрудница «Русской Старины» В. Тимошук. — См. В. Т и м о ш у к. Наполеон на о. Св. Елена. — «Русская Старина», 1912, № 1, 2, 4; 1913, № 3.

¹⁴ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 10602, 10605, 10608, 10610. Оригиналы донесений де Бальмена, хранящиеся в АВПР, частично замикрофильмированы в 1966 г. французский историк Мартино.

(ноябрь 1813 г.) и записка генерала В. Моро из США перед отъездом на русскую службу (март 1813 г.).

Чернышев писал: надо срочно кончать войну — армия и народы устали. Устали все — и союзники и особенно французы. Наполеон это понимает — он тянет время, спекулирует на «почетном мире», а сам производит все новые и новые наборы в армию. Наполеоновской пропаганде «удалось внушить общественному мнению Парижа и всей Франции мысль о полнейшей несовместимости мирных условий союзников с национальным достоинством, о том, что коалиция якобы хочет разделить Францию, довести ее до позора и нищеты; к его услугам были слухи, распространяемые полицией и частными письмами его конфидентов». Вступление во Францию теперь не за горами, но союзники могут там завязнуть, если они не привлекут на свою сторону общественное мнение; существующая пока связь между народом и императором, несомненно, ослабеет, и «вам не придется иметь во Франции дело с национальной войной, которая, безусловно, поставила бы под сомнение исход всей борьбы».

Что же надо срочно сделать? Прежде всего, выбить у Наполеона из рук жупел «почетного мира», ибо отныне вся его борьба — это личная борьба за сохранение своей династии на престоле Франции. Для этого Александр I должен «в кратчайший срок составить документ» и изложить в нем: 1) цели войны, 2) отношение к французскому народу — война ведется с Наполеоном, а не с Францией, 3) ясные условия мирного договора. Тогда только союзники могут надеяться «оторвать Наполеона от Франции», и «тщеты будут все его пошутки вызвать общий патриотический подъем».

Чернышев и не надеялся, что Наполеон примет условия этого «документа». Однако отказ от четких мирных условий будет иметь для союзников важный пропагандистский резонанс, ибо он «помешает Наполеону опереться на массовое ополчение и принудит его ограничиться одними лишь регулярными войсками, которые сами по себе не представляют для нас опасности, ибо численное превосходство всегда будет на стороне союзников»¹⁵.

Еще более серьезные предостережения звучали в более ранней записке В. Моро. Генерал не скрывал перед Александром I трудностей последнего этапа борьбы за «отделение» Наполеона от Франции. Союзники, писал Моро, не могут больше просто повторять, что «Наполеон — это не Франция». Следует выработать позитивную политическую программу заключительного этапа борьбы с Наполеоном. В реальной политике необходимо уяснить, что возврата к старому больше нет. Поэтому при проведении реставрации «надо дать повод каждой партии надеяться на осуществление ее желаний».

Однако и сам Моро, что касается четких политических рекомендаций, кроме общего пожелания сформировать «после смерти тирана» правительство из «умеренных и честных людей», был весьма сдержан. Моро считал опасным раскрывать перед французским народом конкретные политические планы противников Наполеона. В листовках и манифестах, по его мнению, следовало «заявлять только о ненависти к тирану, о мире, умеренности, полнейшем снисхождении ко всем мнениям в отношении той формы правления, которую бы захотели установить». Эта неопределенность, полагал Моро, диктовалась соображениями борьбы с контрпропагандой Наполеона. Ибо, если объявить во всеуслышание, что союзники хотят восстановить Бурбонов, то тогда «те, кто приобрел национальные имущества, некоторые из республиканцев и многие из эмигрантов, оставившие своего прежнего государя [Людовика XVI] и служившие новому [Наполеону], будут устранены». Этим не замедлит воспользоваться Наполеон, сплотив, несмотря на катастрофу 1812 г., широкие слои новых собственников. Нельзя говорить и о республике, так как «Бонапарт укажет на Робеспьера и якобинцев, если бы захотели установить республику в одном из тех видов, в которых она являлась уже во время революции»¹⁶.

Записки Чернышева и Моро во многом раскрывают всю сложность положения союзников накануне вступления во Францию. Е. В. Тарле отмечал: «Союзники боялись народной войны, всеобщего ополчения, вроде того, которое в героические времена Французской революции спасло Францию от интервентов и от реставрации Бур-

¹⁵ ВПР, т. VII, стр. 450—454. Записка А. И. Чернышева от 8(20) ноября 1813 г.

¹⁶ «Русская Старина», 1913, № 10, стр. 49—50.

бонов»¹⁷. Именно боязнь нового народного восстания была главной причиной «умеренности» победителей (особенно Александра I) к Франции и в 1814 г., и даже в 1815 г., после «Ста дней».

Эта боязнь отражалась и во Франкфуртской союзной декларации 1 декабря 1813 г., и в декларации о разрыве Шатийонских мирных переговоров с Наполеоном 16 марта 1814 г.; в них ничего не говорилось о будущем политическом режиме во Франции и ни одним словом не были упомянуты Бурбоны. В декларациях лишь содержались общие заявления, что союзники готовы заключить мир с Францией (во Франкфуртской), а конкретно — с Сенатом (в Шатийонской).

Историки уже выяснили, что за этим умолчанием скрывалась острейшая борьба союзников вокруг кандидатуры будущего претендента на престол Франции¹⁸. Однако почти не обращалось внимания на военно-стратегический аспект этих колебаний: боязнь идти на Париж из-за опасения, что если не Наполеон, то кто-либо из бывших деятелей революции попытается призвать народ к восстанию и тем самым вызовет «французский 12-й год». О том, что эти опасения не лишены были оснований, свидетельствует неудачная попытка М.-Ж. Лафайета совместно с фабрикантом Терно поднять накануне вступления союзников в Париж столичную Национальную гвардию, свергнуть Наполеона, а затем отбросить союзную армию, как в 1794 г., за пределы Франции или, по крайней мере, принудить их к «более почетному миру»¹⁹.

Нельзя сказать, что Наполеон не разгадал политической тактики своих противников по «отделению» его от Франции. Тем более, что официальные акты русской военной администрации в Польше (герцогстве Варшавском) свидетельствовали, что обещание III коалиции (1805 г.) — «хозяева-собственники и люди, состоящие при должности, могут рассчитывать на мирное пользование теми выгодами, которые приобретены ими вследствие революции»²⁰, — похоже, не было пустой декларацией. В декабре 1812 г. Александр I специальным указом амнистировал тех поляков, кто сотрудничал с Наполеоном, а М. И. Кутузов 8 января 1813 г. в воззвании «К чиновникам и населению герцогства Варшавского» гарантировал сохранение прежнего жалованья, имущества (в том числе и розданных Наполеоном высшей знати майоратов), предлагая местной администрации оставаться на местах. Вступление русских войск на польские земли не привело к реставрации там феодально-абсолютистских порядков. Даже санкционированный Наполеоном закон (августа 1807 г.) об отмене в герцогстве крепостного права не был пока отменен²¹.

Тем самым противники Наполеона не только в декларациях, но и при проведении реальной политики как бы давали понять миллионам новых собственников во Франции, и прежде всего крестьянам (а, стало быть, и солдатам наполеоновской армии), что в самом главном вопросе — о бывших церковных и дворянских землях, доставшихся в ходе революции буржуа и крестьянству, — не будет возврата к прошлому. В этом был основной козырь союзнической политики по «отделению» Наполеона от Франции, ибо в данном случае все сводилось лишь к смене династии в стране. Именно в этом, социально-экономическом смысле, как нам представляется, В. И. Ленин и говорил, что реставрация Бурбонов в 1814 г. «не имела ничего общего с докапиталистическими способами производства», а сам их режим был шагом на пути превращения в буржуазную монархию²².

Противостоять этой тактике в стране, обескровленной непрерывными войнами, уставшей от постоянных конскрипций, новых налогов и реквизиций, Наполеону,

¹⁷ Е. В. Тарле. Соч., т. VII, стр. 302—303. Автор, правда, не упоминает в записках В. Моро и А. И. Чернышева.

¹⁸ См. А. И. Молок. Борьба направлений во французской историографии по вопросам реставрации Бурбонов и Июльской революции 1830 г. — «Французский ежегодник. 1959». М., 1961.

¹⁹ М.-Ж. La Fayette. Mémoires, correspondance et manuscrits. t. V. Paris, 1838, p. 304. Об этой попытке М.-Ж. Лафайет рассказывал также президенту США Т. Джефферсону в письме от 10 августа (Ibid., p. 486). О связях Лафайета с правительством США в 1814 г. см.: Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений. 1775—1815 гг. М., 1966, стр. 557—558.

²⁰ ВПР, т. II, стр. 36.

²¹ «М. И. Кутузов». Сб. документов, т. V, стр. 29; ВПР, т. VI, стр. 62; «История Польши», т. I. М., 1956, стр. 491.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 15; т. 21, стр. 63.

конечно, было нелегко, тем более, что военная мощь Первой империи, сломленная в России в 1812 г., была окончательно подорвана после «битвы народов» 16—18 октября 1813 г. под Лейпцигом.

И если Наполеону удавалось оказывать в 1814 г. весьма сильное сопротивление и оттягивать финал, то это происходило прежде всего потому, что у него была еще армия. Не последнюю роль здесь сыграли и его политические методы, внешне напоминавшие революционные приемы якобинцев: те самые «сапоги 1793 года».

Общим направлением наполеоновской пропаганды в то время был тезис о «защите» Франции и ее союзников. Причем в 1813 г. наполеоновские «газетные чиновники» и сам Наполеон сначала выступали от имени «цивилизованной Европы», которую надо защищать от «татарских полчищ»²³. В 1814 г. речь шла уже только о защите «естественных границ» Франции и завоеваний революции.

Особенно радикальной становится эта пропаганда с момента вступления союзных войск на территорию Франции. Интересно проследить, как она отражалась в январе — марте 1814 г. на страницах главного рупора русской внешнеполитической пропаганды газеты «Conservateur Impartial», отводившей до 80% своих страниц описанию хода военной кампании и перепечатке наполеоновских декретов. 15 февраля офицюз публикует полный текст декрета Наполеона от 8 января об обороне Парижа силами Национальной гвардии. Пункт 5-й декрета гласит: «Никаких отлучек из батальонов; в случае крайней необходимости сын заменяет на редутах отца, зять — тестя, племянник — дядю»²⁴. 25 февраля «Conservateur Impartial» перепечатал следующее сообщение из «Gazette de Berlin»: французское правительство хочет организовать «народное сопротивление» по типу «крестьянской войны в Испании» (вот он «испанский пример!»). Сенатор Монж «от имени Наполеона» поместил в «Moniteur» воззвание к французским крестьянам: «Вооружайтесь!». «Conservateur Impartial» впервые недоумевает: «Народ не восстанет», несмотря на «все прокламации наполеоновских префектов». Однако газета ниже сообщает о новом призыве префектов — обращении к старикам, бывшим национальным гвардейцам: «Вступайте во вспомогательные отряды регулярной армии»²⁵.

По приказу Наполеона в Париже во Французском театре целую неделю по три представления в день идет пьеса «Знамя Франции» — патриотический речитатив с героической музыкой. Префект департамента Сены барон Шаброль одну за другой издает прокламации «К добрым жителям Парижа», обращается едва ли не с мольбой: почему же вы не идете в Национальную гвардию? Тут же сообщается, что император призывает добровольцев в только что созданную им молодую гвардию. «Запись в эту гвардию значительна, но в нее идут, — пытается успокоить русское дворянство «Conservateur Impartial», — безработные, бродяги, низкий люд. Однако Национальная гвардия хороша в полиции и в гражданской войне, но что она может сделать против регулярных войск?»²⁶

Эта пропагандистская шумиха действительно могла создать картину массового национального сопротивления, едва ли не повторения якобинской эпохи. Даже царь, хорошо информированный об истинном положении дел в провинции и Париже, видимо, не был до конца уверен, как поведут себя французы. Отражением этих опасений стал приказ Александра I 6 января 1814 г. во Фрейбурге по русским войскам: никаких эксцессов на территории Франции, расстрел за грабежи и мародерство; «любите ваших врагов, платите добром тем, кто вас ненавидит. Солдаты! Я верю в ваше умеренное поведение»²⁷.

²³ В этом отношении особенно характерна Лютценская прокламация Наполеона 3 мая 1813 г. — «Correspondance de Napoléon», t. 25, № 19952, p. 262—263.

²⁴ «Conservateur Impartial», 3(15). II. 1814, p. 52.

²⁵ «Conservateur Impartial», 13(35). II. 1814, p. 67. «Следовало призвать все население целиком к оружию, но я признаю, что прогресс общественного бытия, смягчения нравов не позволяют обратить всю нацию в солдат». (Из беседы Наполеона с группой сенаторов в январе 1814 г.) — Е. В. Т а р л е. Наполеон. М., 1939, стр. 315.

²⁶ «Conservateur Impartial», 20. II (4. III). 1814, p. 80—91.

²⁷ М. Б о г д а н о в и ч. История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона I по достоверным источникам, т. I. СПб, 1865, стр. 57—58; ВПР, т. VII, стр. 532.

В конкретных военно-политических условиях кампании 1814 г. предостережение Чернышева «не иметь дела с национальной войной» в обстановке обрушившейся лавины наполеоновских «революционных» манифестов, воззваний, призывов звучало более чем актуально. Это уже во Франции союзники, увидев запустелые поля, почти лишенные мужчин деревни, поймут, что, собственно, в партизаны идти некому. «Странно,— писал офицер-декабрист Ф. Глинка,— что во всех местах, которые мы проехали, только и видны дети да старики; женщин множество. Где же цвет юношества?»²⁸ Но у границ Франции царь не мог не опасаться повторения 1793 г. или 1812 г. наоборот.

Было бы неверным утверждать, что наполеоновская пропаганда в духе «сапог 1793 года» не имела никакого отклика среди французского народа. Выступления вооруженных отрядов крестьян и горожан провинциальных местечек Северо-Восточной и Восточной (Лотарингия) Франции после вторжения союзных войск, реквизиций, случаев эксцессов и грабежей (особенно со стороны прусских войск) имели место, причем в ряде случаев было установлено взаимодействие регулярной наполеоновской армии и отрядов партизан (например, в районе осажденной союзниками крепости Метц). Впервые опубликованные в VII томе «Внешней политики России» донесения русского генерал-губернатора Лотарингии Д. М. Алопеуса дают представление и об этом народном сопротивлении, и о наполеоновских методах возбуждения патриотического подъема²⁹.

И все же массового народного выступления, подобно патриотическому подъему 1792—1794 гг., в 1814 г. не произошло. «Во всякой войне,— отмечал В. И. Ленин,— победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь»³⁰. Состояние же духа подавляющих масс французов в январе — марте 1814 г. было не в пользу войны. Народ устал от многолетних войн, торговля и финансы страны находились в упадке, и о массовом народном сопротивлении Наполеону приходилось только мечтать. Тем более, что он хорошо знал истинное положение дела из донесений префектов. 8 октября 1813 г. (еще до «битвы народов» под Лейпцигом) префект департамента Аллье сообщил: «Всеобщее беспокойство возрастает. Боязнь... новых конскрипций, трудности с финансами, задержки с выплатами по всем статьям, чрезвычайные налоги... неуверенность семей в судьбе их сыновей — словом, все это крайне угнетает население». 23 февраля 1814 г. префект Экс-ан-Прованса панически доносил: «Преданных правительству людей осталось мало, они — лишь среди чиновников и судей... Если коалиция через три недели посадит кого-то из Бурбонов в Лионе с армией в 60—80 тыс. человек, я полагаю, что юг не удастся удержать»³¹. Сам Наполеон понимал, что людские ресурсы страны истощены. В январе 1814 г. он перед группой сенаторов говорил: «Я создал громадные планы, я хотел обеспечить за Францией господство над всем светом. Я ошибся, эти проекты не были соразмерны с численной силой нашего населения»³².

Постепенно и союзникам стало ясно: «французского 12-го года» скорее всего не будет. Из разных источников поступали сведения, что воссозданный по декрету императора 27 декабря 1813 г. корпус чрезвычайных комиссаров 1792 г. занимается главным образом ловлей дезертиров, а те прибегают к членовредительству, лишь бы не попасть снова в армию³³. В феврале 1814 г. командир авангарда казачьего корпуса атамана М. И. Платова сообщал начальству: «Ни жители Парижа, ни даже сама Национальная гвардия не расположены защищаться противу войск союзных... Слухам о грабительстве казаков, которые старается распускать полиция, начинают не верить». Герой польского восстания 1795 г. Т. Костюшко прислал к командиру авангарда швейцарца-слугу, и тот передал, «что более половины Парижа вооружены мыслями противу Бога»

²⁸ Ф. Г л и н к а. Записки русского офицера, ч. 7. М., 1815, стр. 120.

²⁹ ВПР, т. VII, док. № 252, 253.

³⁰ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 121.

³¹ Цит. по: В. А. Б у т е н к о. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации, т. I. СПб., 1913, стр. 89 (у Бутенко текст дан по-французски). Ср. L. V i e l - C a s t e l. Histoire de la Restauration, t. I. Paris, 1860, p. 171—178.

³² Цит. по: Е. В. Т а р л е. Наполеон, стр. 315.

³³ L. V e n a e r t s. Les commissaires extraordinaires de Napoléon I en 1814. Paris, 1915, p. 210.

парте». Наполеоновский маршал Макдональд откровенно сообщил Костюшко о серьезном недовольстве маршалов³⁴.

Заключительным аккордом союзнической акции по «отделению» Наполеона от Франции стала «операция Сенат», которую русская дипломатия стала тайно осуществлять с декабря 1813 г. Начало этой операции было положено Франкфуртской декларацией 1 декабря 1813 г. Французские историки, как правило, считают ее пустой бумажкой. Действительно, с точки зрения реальных политических обязательств союзников перед Наполеоном накануне вторжения, эта декларация была не более, чем «мирным» маневром перед броском на Францию.

Значительно меньшее внимание обращалось на эффект, произведенный Франкфуртской декларацией во Франции. Лишь А. Сорель, вообще уделявший большое внимание роли наполеоновской внешней пропаганды, отметил, какое огромное антинаполеоновское влияние на общественное мнение страны оказала Франкфуртская декларация, 20 тыс. экземпляров которой было заброшено во Францию и распространялось там «всеми доступными союзникам средствами»³⁵. И хотя декларация была составлена в весьма туманных выражениях, она выбивала у Наполеона его главный пугающий козырь — «унижение и расчленение Франции». В декларации гарантировались «естественные границы» Франции 1792 г. Замолчать эту декларацию было нельзя. Либерал Б. Констан откликнулся на нее сенсационной брошюрой «Дух завоевания и узурпации в их отношении к европейской цивилизации», где резко осуждал завоевательную политику Наполеона и его военный деспотизм. Одним из важнейших результатов распространения Франкфуртской декларации стало также возникновение сильной оппозиции в Законодательном корпусе и Сенате (впервые с тех пор, как Наполеон в 1807 г. из-за оппозиционных выступлений Л. Карно, А. Грегуара и других ликвидировал Трибунал).

Кратко напомним суть дела. В связи со все усиливавшейся союзной «мирной» пропагандой на Францию (особенно с широким распространением 20 тыс. экземпляров Франкфуртской декларации) и ростом недовольства в Париже и провинции продолжением войны, Наполеон решил нейтрализовать эти настроения, предприняв политико-пропагандистский маневр в национальном масштабе. С этой целью в декабре 1813 г. он созвал Законодательный корпус, надеясь, что он, как обычно, покорно исполнит волю императора и отвергнет Франкфуртскую декларацию союзников, а уже министр полиции постарается создать в подконтрольной печати «патриотические адреса», манифестации и т. д., т. е. даст возможность запугать союзников угрозой «12-го года» во Франции. Но получилась крупная осечка. В подготовленном комиссией Лэне докладе рекомендовалось принять условия Франкфуртской декларации и заключить на ее основе немедленный мир. Настоящим ударом по планам Наполеона было голосование по докладу Лэне — он был принят 223 голосами против 31, с рекомендацией немедленно его отпечатать³⁶.

Комментаторы VII тома «Внешней политики России» справедливо обратили внимание на этот важный факт, но утверждали, что документы оппозиции не стали достоянием гласности, так как «Наполеон предпринял меры к тому, чтобы не допустить оглашения этого доклада в Законодательном корпусе»³⁷. Здесь допущена одна неточность: доклад комиссии Лэне был не только оглашен в Законодательном корпусе, но и отпечатан, хотя сразу же Наполеон распорядился конфисковать весь тираж³⁸.

Но самое главное — гласность конфликту Наполеона с оппозицией в Законодательном корпусе придали «газетные чиновники» Александра I, а сам конфликт был использован им для проведения «операции Сенат». Очевидно, уцелевшие типографские экземпляры доклада Лэне, а также тексты выступлений оппозиционных депутатов и се-

³⁴ ВПР, т. VII, стр. 575. Записка генерал-майора В. С. Кайсарова, 6(18) февраля 1814 г.

³⁵ А. Сорель. Европа и французская революция, т. 8. СПб., 1908, стр. 181.

³⁶ См., в частности, Ch. Vaublanc. Histoire des deux Restaurations, t. I. Paris, 1844, p. 196—198; P. Duvergier de Hauranne. Histoire du Gouvernement parlementaire en France (1814—1848), t. 2. Paris, 1858, p. 24—33; Е. В. Тарле. Наполеон, стр. 314—315; «История Франции», т. 2, стр. 164.

³⁷ ВПР, т. VII, прим. 270.

³⁸ В. А. Бутенко. Указ. соч., стр. 88.

наторов не без их содействия пошали за границу (в выдержках перепечатаны в английских и германских газетах) и вскоре были подхвачены всей союзнической печатью.

1 января 1814 г., накануне Шатийонских мирных переговоров, «*Conservateur Impartial*» в перепечатке из «*Gazette de Belrin*» на целую полосу дал материал об оппозиции Наполеону не только в Законодательном корпусе, но и в Сенате. Была опубликована резкая переписка 27 декабря 1813 г. между председателем сенатской комиссии по рассмотрению Франкфуртской декларации графом Фонтэном и Наполеоном. Фонтэн заявил, что комиссия Сената после пятидневных дискуссий пришла к выводу: «Франция должна немедленно заключить мир на основе предложений союзников»³⁹.

В следующем номере русского официоза был помещен обширный комментарий «Размышления о речи г-на Фонтэна и ответ Наполеона». В словах анонимного «газетного чинovníка» слышалось ликование: Сенат против Наполеона, его трон трещит, победа близка! Франция «ждет своего законного монарха» (но снова никакого упоминания о Бурбонах, и читатели могли лишь гадать, кто «законней» — Бурбоны, Бернадот, герцог Орлеанский или «римский король» Наполеон II?). Вывод комментатора был недвусмыслен: Наполеон боится общественного мнения Франции, «он стремится отвлечь грозу... он просит мира, но этот мир есть лишь передышка или, лучше сказать, ловушка»⁴⁰.

Не сумев против обычного подчинить себе «законодателей», Наполеон 31 декабря 1813 г. специальным декретом временно распустил Законодательный корпус. Что касается Сената, то на аналогичную акцию император пойти побоялся. На многочисленном новогоднем приеме 1 января 1814 г. в Тюильри он обрушился на «законодателей»: «Я вас просил сделать добро, а вы творите зло... Среди вас — агенты Англии, и лишь десяток — полтора, не более, истинные патриоты... Вы хотите меня унижить... Я велю опубликовать доклад вашей комиссии в «*Moniteur*» с комментариями, чтобы вся Франция знала, кто вы есть... Я назначаю новых депутатов, я соберу новый Законодательный корпус... Надо сражаться, а не капитулировать!»⁴¹.

Относительно «агентов» Наполеон оказался прав. Но они были связаны не только с Англией. В задачу данного очерка не входит изучение всех заговоров против Наполеона накануне его первого отречения. Но одно несомненно: оппозиция «законодателей» была не случайной. Моро еще в марте 1813 г. писал Бернадоту: «Благоприятное время, о котором мы часто говорили... кажется, пришло, но если не принять участия в перевороте (!?) и ограничиться ожиданием, то он [Наполеон] еще много может наделать зла»⁴². После разгона Законодательного корпуса и фактической нейтрализации Сената в последнем возникла довольно сильная оппозиция, ядро которой составили около 20 сенаторов во главе с «цареубийцей» аббатом Грегуаром. Члены этой оппозиции регулярно собирались на тайные заседания, причем Грегуар уже заранее заготовил акт о низложении Наполеона, а также набросал проект будущей конституции Франции. Факт существования этой оппозиции впоследствии стал хорошо известен, тем более что ее участники не скупались на похвалы в свой адрес, отводя оппозиции

³⁹ Это выступление позволяет пересмотреть категорическое утверждение В. А. Бутенко, что «Сенат покорно исполнил желание императора». — В. А. Б у т е н к о, Указ. соч., стр. 87. Доклад Фонтэна 27 декабря 1813 г. опубликован также в подстрочнике к «*Congressandance de Napoléon*», т. 26, № 21054, р. 641—645.

⁴⁰ «*Conservateur Impartial*», 4(16).II.1814. Этот комментарий подтверждали и действия царской дипломатии. 8 февраля 1814 г. К. В. Нессельроде писал русскому представителю в Шатийоне А. К. Разумовскому: Александр I подтверждает «правильность избранного Вами образа действия» и рекомендует «и впредь стараться придавать переговорам такой же затяжной характер... ибо это полностью отвечает видам нашего августейшего государя» (ВПР, т. VII, стр. 565). 9 января союзники, видя твердость царя, объявили А. Колленкуру, что они временно прерывают переговоры до получения Разумовским «новых» инструкций. — А. А. В а с и л ь ч и к о в. Семейство Разумовских, т. IV, ч. 2. СПб, 1887, стр. 471—472.

⁴¹ P. D u v e r g e r de H a u g a n n e. Op. cit., т. 2, р. 33; A. T h i e r s. Histoire du Consulat et de l'Empire, т. V. Bruxelles, 1860, р. 351—352. Характерно, что уже после отречения Наполеона эта новогодняя речь императора была включена в полном виде в русский пропагандистско-дипломатический сборник «ведомства П. Г. Дивова» как свидетельство успехов союзнической пропаганды на Францию. — «*Pièces sur les grands événements arrivés en France de 1813, jusqu'à l'abdication de Napoléon*», Paris, 1814, р. 49—51.

⁴² «Русская Старина», 1913, № 10, стр. 46.

сенаторов едва ли не решающее место в первом изложении Наполеона. Вслед за бывшими сенаторами-мемуаристами преувеличивали роль этой оппозиции и некоторые французские историки по эпохе Реставрации⁴³. Однако в многочисленных трудах французской буржуазной историографии обойден полным молчанием немаловажный факт: связь сенатской оппозиции с Александром I: Эта связь осуществлялась через Талейрана, продолжившего таким образом свою двойную игру против Наполеона, начатую еще в Эрфурте в 1808 г.⁴⁴ Тот в свою очередь привлек к этой оппозиции личного представителя Наполеона на Шатийонских мирных переговорах, бывшего посла в России Коленкура.

О посредничестве Талейрана и Коленкура за спиной Наполеона между участниками сенатского заговора Грегуара и Александром I впервые стало известно в 1820 г., в связи с публикацией историком Кохом частных и конфиденциальных писем Коленкура к Талейрану⁴⁵. Эта публикация вызвала во Франции большую сенсацию. Коленкур пытался подать на Коха в суд за диффамацию и предание гласности его якобы подложных писем, но Кох в оправдание заявил, что подлинники этих писем ему передал сам Талейран. Коленкур пытался протестовать, направив «открытое письмо» во все крупные парижские газеты. Это только подлило масла в огонь. Ультрароялисты использовали историю с Шатийонскими переговорами для обвинения Коленкура... в подстрекательстве к бонапартизму (наек на его участие в «Ста днях»). Вмешался королевский прокурор, и в январе 1820 г. суд приговорил Коленкура «к молчанию» — запрету публичных выступлений. Правда, «фаворит» Деказ отменил это решение, но репутация Коленкура оказалась основательно подмоченной: в 1804 г. он предал роялистов, арестовав герцога Энгиенского, в 1814 г. — Наполеона, вступив в тайную связь с его врагом. Отчаявшись добиться оправдания, Коленкур 16 февраля 1820 г. обратился к царю с просьбой о «моральной реабилитации», приложив к своему письму все материалы своего «дела»⁴⁶. Но Александр I даже не ответил на письмо своего бывшего тайного агента — нечего было ворошить прошлое, тем более что царь в мае 1814 г. оказал Коленкуру за его участие в «операции Сенат» не только моральную, но и материальную услугу⁴⁷.

Но помимо 20 сенаторов во главе с Грегуаром, Талейраном и Коленкуром в «операции Сенат» участвовал еще один человек — бывший воспитатель Александра Цезарь Лагарп. На во многом еще невыясненную миссию Лагарпа в Париже в конце 1813 — начале 1814 г. обратил внимание А. Сорель⁴⁸, но он использовал лишь мемуарную литературу (особенно мемуары Мориолля) и связывал деятельность Лагарпа главным образом с закулисными демаршами эмигрантов-либералов (де Сталь, Б. Констан и др.) в пользу Бернадота. Судя по собственноручным примечаниям Лагарпа к письмам Александра I за 1801—1818 гг., хранящимся в ЦГАОР и СС⁴⁹, его миссия была гораздо шире. В январе — марте 1814 г. Лагарп находился в постоянной переписке с царем, сообщая ему о настроениях в Париже и деятельности сенатской оппозиции. Так, отвечая на вопрос царя: можно ли после разгона Законодательного собрания сместить Наполеона путем плебисцита? — Лагарп выразил сомнение в успехе такого метода: дойдет ли дело до плебисцита; ведь у Наполеона есть хотя и плохая, но все же армия?

⁴³ P. Duvergier de Hauranne. Op. cit., t. 2, p. 79. Ср. В. А. Бутенко. Указ. соч., стр. 99.

⁴⁴ См. Е. В. Тарле. Талейран. М., 1962, стр. 98—104; В. Г. Сироткин. Тильзитский мир. — «Французский ежегодник. 1963». М., 1964, стр. 87; «История Франции», т. 2, стр. 168; J. Savant. Talleyrand. Paris, 1960, p. 179—181.

⁴⁵ Koch. La campagne de 1814. Paris, 1820.

⁴⁶ «Дело» (в копии) хранится в личном фонде вел. кн. Николая Михайловича. — ЦГИА СССР, ф. 549, оп. 1, д. 266, л. 3—17.

⁴⁷ ВПР, т. VIII. М., 1972, док. № 3. «Записка по поводу некоторых лиц во Франции, в отношении которых император просит о великодушии со стороны французского короля». Все, что мог сделать Коленкур — это оплатить Талейрану «услугой за услугу»: в своих мемуарах он подробно описал предательство Талейрана 31 марта 1814 г. во время вступления союзных войск в Париж и его участие в «операции Сенат». — Е. В. Тарле, Талейран, стр. 125.

⁴⁸ А. Сорель. Указ. соч., т. 8, стр. 203.

⁴⁹ Перед смертью Лагарп лично скопировал все письма Александра I к нему и переслал их Николаю I. Они были опубликованы в сб. «Русского Исторического Общества», т. 5. СПб., 1870, стр. 29—49. Но его издатели опустили очень важные комментарии Лагарпа к этим письмам.

И как еще пройдет голосование — ведь надо помнить о плебисцитах по вопросу о пожизненном консульстве и конституциях в 1800—1802 гг.? ⁵⁰.

По-видимому, с сенатским заговором против Наполеона были связаны и некоторые депутаты разогнанного императором Законодательного собрания, которые, разъехавшись в январе 1814 г. по своим избирательным округам, повели открытую антинаполеоновскую кампанию на местах в пользу заключения немедленного мира в духе Франкфуртской декларации.

Депутаты широко разнесли весть о «пренебрежении» Наполеоном «интересами нации». Некоторые из них (как, например, Лэне в Бордо) примкнули к роялистским организациям. Непопулярность разгона Законодательного корпуса накануне вторжения иностранных войск (вспомним роль Конвента и местных собраний в 1792—1793 гг.) была очевидной. 5 января 1814 г. префект департамента Мез граф Сент-Олер панически писал министру внутренних дел: если император, как он грозил в своей новогодней речи на приеме в Тюильри, действительно намерен «сейчас собрать избирательные коллегии, выбор избирателей падет на лиц, в которых предполагают самую большую твердость в их оппозиции правительству. Дух оппозиции проявляется самым ужасным образом. Административная машина империи буксует на каждом шагу, и я со дня на день ожидаю взрыва» ⁵¹. Однако при всем негативном отношении французов к режиму Наполеона весной 1814 г. сколько-нибудь массовых выступлений против императора не было. Общее настроение можно определить так — апатия и усталость.

В этой связи «операция Сенат» приобретала характер моста между империей и реставрацией: найден был подходящий государственный орган, имелись необходимые люди, а народным массам отводилась роль зрителей, тем более что все осуществлялось в глубокой тайне.

Окончание следует

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, д. 538, л. 12. об. Примечание Лагарпа к письму Александра I от 3 января 1812 г. из Фрейбурга в Париж.

⁵¹ Цит. по: В. А. Бутенко. Указ. соч., стр. 90.